

В Одессе пели...

Вос. Москва - 1994 - Записки

А не простите — наплевать!

Моя театральная деятельность началась в первом в России детском музыкальном оперном театре «Водевиль» в 1915 году, и в афишах меня именовали «Малолетний куплетист Володя Кораллы». (Об этом вспоминает Игорь Владимирович Нежный в своей книге «Былое перед глазами», Москва, ВТО, 1965 год).

Мы, дети, по-своему откликались на события жизни тех лет. Когда в феврале 1917 года было объявлено о падении царского режима, а в разговорах и газетах замелькало слово «свобода», то молодой одесский поэт Макс Поляновский сразу же написал для меня текст песни, положенный на маршевую музыку:

Братья! Праздник великий у нас.

Славьте хором столь радостный час.

Мы свободны теперь — пойдем вперед

За Русь, за великий народ... и т. д.

А когда грянул Октябрь и Ленин провозгласил: «Революция, о которой говорили большевики, — свершилась!», то уже в тот же день один из самых популярных одесских куплетистов, используя лозунг эстрады «Утром в газете — вечером в куплете», — Лев Маркович Зингерталь пел:

...«Он бросил всем радостный клич!

...А ГИТ ЕНТЫВ (с праздником), Владимир Ильич!»

А в годы интервенции, когда власть менялась чуть ли не каждые два-три дня, Зингерталь пел уже другие куплеты:

Когда был Николай, мы не имели права
жительства!

Повсюду нас гоняло только их —

Превосходительство!

Когда же к нам свобода неожиданно

пришла, —

То, я вас только спрашиваю, — что она дала?

В отличие от многих других искусств, Эстрада всегда была злободневной. Память возвращает меня в те незабываемые годы. Под собственный аккомпанемент гитары пел несравненный куплетист Павел Троицкий. Перед исполнением куплетов он обычно создавал образы тогдашних ораторов на многочисленных митингах (вот один из таких на собрании переплетчиков):

«Товарищи переплетчики! Мы должны бороться борьбической борьбой — до последней капли клейстера! И приклеить старый режим к новому переплету».

Кричат «долой!» повсюду.

Бастуют, прямо срам.

А бьют нас, как посуду, —

На фронте, здесь и там.

Везде грабеж, нахальство,

Не мил стал божий свет.

Коль трудно без начальства,

Я дам тебе совет:

Со всеми будь «товарищем», и больше ничего...

Под дальний гул орудийной канонады из Одессы уходил последний пароход в Константинополь с остатками денкинской армии. На этот же пароход погрузились корифеи дореволюционной эстрады Иза Кремер, Юлий Убейко, Александр Вертинский и Павел Троицкий. На окраине города появились первые части кавалерийской дивизии Григория Ивановича Котовского...

...В пятидесятых годах у одного из старейших букинистов в книжном магазине у памятника Федорову я нашел маленький сборник (как он сохранился-то?) из репертуара Сергея Сокольского («Центросмех». Сергей Сокольский. Издание И. Ждарского, Петроград), а в нем

Обращение к «товарищам»

(воспроизвожу, как в сборнике, по старой орфографии)

Да, каюсь: грешен я в своей миссии,

Я оть «товарище» таких был вдалеке:

Когда они делили жизнь России,

Я пьянствовал съ друзьями въ кабаке.

Когда «товарищи» сажали на коль

Страну родимую въ безумья часъ,

Я полупьяными глазами плакаль,

Не въ силахъ будучи ни чем помочь.

Когда «товарищи» долой кричали

(А что «долой?» не знали и они)

Я пребывалъ въ томительной печали,

Взирая съ ужасомъ на эти дни.

Да, каюсь: я лишень отваги,

Я трусости не въ силахъ дать отпоръ.

И въ красные не верю больше флаги,

Как вериль свято до сих поръ.

Не верю я, что будетъ братство,

А равенство? темъ более у насъ!

Как звери мяса, жаждутъ все богатства

И бедный и богатый классъ:

Все жаждутъ власти, хищными руками

Хватаютъ все, что только попадетъ

И топчутъ въ грязь цинично каблуками

Все то святое, что такъ долго ждалъ народъ.

Да, каюсь: я себя провериль,

Другим я сталъ, доверчивости нетъ

И въ то, во что въ дни юности такъ вериль,

Не верю больше в сорокъ летъ.

Что жъ тутъ виною? новая ли эра,

Событй ли грядущихъ часъ?

Но въ томъ, что у меня пропала вера,

Виню, «товарищи», я въ этомъ только васъ.

Да, васъ, «товарищей», везде кричащих,

Опровергающихъ порядокъ и покой...

Васъ, на витрины съ жадностью смотрящихъ,

Тянущихся къ нимъ грязною рукой.

Вы довели, что русские народы

Въ презрени на Западе живутъ:

Вы подорвали намъ «заямъ свободы»

И растоптали весь свободный трудъ...

* * *

Виновы вы! Откуда вы явились?

Кто вызвалъ васъ предательски изъ тьмы?

Къ чему вы намъ въ Республике свободной?

На что вы намъ, партийные дельцы?

Что ищите в стране голодной?

Что жаждете украсть? Такъ, молодцы,

Идите вы туда, откуда появились,

И скатертью дорога вамъ одна.

Мы одни-бы лучше потрудились,

Безъ васъ бы обошлись, господа.

Я, разумеется конечно, каюсь

И извинения прошу у васъ:

Но откровенно вамъ сознаюсь:

Ох, не люблю, «товарищи», я васъ!

Вы откровение мое поймите,

А не поймете, буду горевать.

Еще разъ убедительно — простите,

А не простите... наплевать!

С приходом Советской власти в Киев Сергей Сокольский был расстрелян.

Владимир КОРАЛЛЫ.